

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ КИМА 1970-х гг.

Татьяна Константиновна ПАВЛОВА,
аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы
Сахалинского государственного университета.
E-mail: Pavlova.tk85@yandex.ru

В статье на материале ранних книг Анатолия Кима рассматривается этническая ситуация, сложившаяся на Сахалине в период японской юрисдикции 1905—1945 гг. В своих дебютных сборниках писатель создал реалистичные образы дальневосточных корейцев, оказавшихся в необычных условиях двойной ассимиляции: образ их жизни изменился под воздействием сначала японской культуры, а затем русской.

Ключевые слова: Дальний Восток, Анатолий Ким, ранняя проза, этническая картина, национальная культура, корейская диаспора, ассимиляция.

ETHNIC IMAGE OF THE FAR EAST IN ANATOLIY KIM'S PROSE IN 1970s
Tatiana K. Pavlova. Postgraduate of the Sakhalin State University.

The article depicts the ethnic image of the far eastern Koreans on the Sakhalin Island within the period of Japanese jurisdiction in 1905—1945 based on the early works of Anatoliy Kim. In his first collections of stories Anatoliy Kim describes the everyday life of the far eastern ordinary Koreans undergone double assimilation: they firstly experienced the influence of the Japanese culture and later the Russian one.

Key words: Far East, Anatoliy Kim, early prose, ethnic image, national culture, the Korean expatriates, assimilation.

Яркий представитель русской авангардной литературы Анатолий Ким дебютировал сборниками «Голубой остров» (1976) и «Четыре исповеди» (1978), переведёнными на многие языки мира. Интерес широкого круга российских и зарубежных читателей к произведениям этого писателя обусловлен увлекательной манерой повествования и ярким воспроизведением типичных житейских ситуаций.

В ранней прозе Анатолия Кима представлена многонациональная галерея персонажей. И это не случайно. Своеобразная этническая картина сложилась в первой половине XX в. на Сахалине в силу определённых исторических обстоятельств: переход по итогам русско-японской войны 1904—1905 гг. южной части Сахалина под юрисдикцию Японии; насильственная репатриация корейцев с Корейского полуострова на Сахалин; миграция населения Дальнего Востока. Книги А. Кима в художественной форме знакомят читателей с особенностями традиционного уклада многих культур дальневосточного региона, помогают понять причины и условия мирного сосуществования многих народов на одной территории. Именно благодаря Анатолию Киму в пространство русского литературного текста вошли красочные образы корейцев. Писатель воссоздавал жизненные перипетии представителей и других этносов, населявших Дальний Восток (русских, грузин, цыган и др.).

Особое внимание Кима к этническим сообществам обусловлено биографией писателя. Его родители вместе с другими корейскими переселенцами были высланы из России (куда попали в результате миграции 1860-х гг.) в Казахстан. Позже им было разрешено вернуться на Дальний Восток. Детские годы писателя, наполненные переездами, проходили среди людей различных укладов жизни и мировосприятия. Это формировало в ребёнке уважение к иным культурам, расширяло кругозор, к тому же позволяло сохранить верность традициям корейского народа. Анатолий Ким создал множество разных, часто отмеченных трагическим началом образов этнических корейцев, разбросанных по бескрайним просторам Средней Азии и Дальнего Востока: от Казахстана до Сахалина и Курильских островов. Наряду с немногими писателями своего времени в произведениях он упоминал японский период в развитии Сахалина.

Сахалин изначально представлял собой перекрёсток национальных культур. Здесь проживали не только аборигены (айны, нивхи, уйльта, нанайцы и др.), но и пришлое население (русские, японцы, корейцы, китайцы). М.С. Высоков назвал Сахалин и Курильские острова «местом встречи представителей различных этнических групп» [1, с. 549]. Однако изменение традиционного этнического состава Дальнего Востока часто было принудительным: с 1869 по 1906 г. на Сахалине располагалась каторга, куда людей ссылали вне зависимости от их национальности. На острове в разное время жили и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и иные народы. Свою роль сыграли и естественные миграционные процессы. Эти и другие условия привели к расширению без того многонациональной среды Дальнего Востока к постепенному превращению региона в полиэтническую зону. Многонациональности острова способствовала колонизация его южной части японцами (1905—1945), в результате которой на Сахалине появились корейцы. Их трагические судьбы документально описали Бок Зи Коу [2], А.Т. Кузин [3], Б.Д. Пак [4], Пак Сын Ы [5, с. 159—179; 6; 7, с. 277—287].

Книги А. Кима «Голубой остров» и «Четыре исповеди» художественно фиксируют реальную полиэтническую ситуацию, свидетелем которой стал писатель. Практически во всех рассказах Анатолия Кима жизнь героев протекает на Дальнем Востоке — на Сахалине («Шиповник Мёко», «Собиратели трав») и Курильских островах («Мечь», «Цунами»), во Владивостоке («Пчела и цветок»), на Камчатке («Акварель», «Сезонники») и даже на территории Корейского полуострова («Мечь», «Пчела и цветок»). Поэтому и охват персонажей так широк — не только русские, корейцы и японцы, но и грузины, армяне, румыны и др. При этом отношения между литературными героями Кима, представителями разных национальностей, основаны на дружбе и взаимопонимании. Возможные конфликты обусловлены не политическими мотивами (они только частично обнаруживают себя в контексте взаимоотношений японцев и корейцев), но скорее нравственными.

В творческий замысел Анатолия Кима не входила цель показать значимость или превосходство какого-либо этноса. Однако, учитывая то, что сюжеты дебютных сборников писателя были взяты из жизни, можно говорить о доминирующем положении корейской диаспоры на Дальнем Востоке (порабощение корейцев японцами в первой половине XX в., принудительное заселение ими юга Сахалина и др.).

И всё же не следует принижать роль представителей других этносов, которые вносили часть своего жизненного уклада в особый синтетический микромир дальневосточного региона. Люди, приезжавшие осваивать Дальний Восток, часто оставались тут на длительное время — это вело к ассимиляции культур разных народов. Эта тема интересно представлена в рассказе «Грузин Зураб», где говорится о «странной любви» грузинского мужчины «к безумной девушке-корейнке» [8, с. 92]. Румынка Эльза благодаря своей доброте отогревает сердце мятежного корейца Сунгу, многие годы жившего в плену отцовского наказа («Месть»). Душевное смятение переживает австриец Отто Мейснер, волею судьбы оказавшийся на Дальнем Востоке и связавший жизнь с корейкой Ольгой («Соловьиное эхо»). А в центре рассказа «Барбарис» — история жизни армянина Сурена Аваковича. Женившись на русской женщине, он попытался воссоздать образ своей солнечной родины на новом месте (герой привёз с юга на сахалинскую землю кустарник с кислыми плодами барбариса).

Введение А. Кимом в сюжет тех или иных персонажей разных национальностей, даже эпизодических, всегда значимо. Например, в рассказе «Сыновний суд» в нескольких словах говорится о семье нанайцев. Это упоминание на первый взгляд кажется незначительным, но оно весьма важно для понимания сюжетного решения произведения. Вот как лаконично описана в рассказе нанайская семья: «Стояли на углу, задрав в восхищении головы, нанайцы семьёй — сам отец, старая жена с трубкой во рту да двое мальчат с большими румяными скулами» [8, с. 173]. Образ семейства, вероятно, впервые приехавшего в город, несёт важную смысловую нагрузку. С одной стороны, нанайская семья испытывает упоение новым большим миром, некоторую растерянность перед ним; и эти чувства созвучны ощущениям главного героя. «Совсем как я, города ещё не видали» [8, с. 173], — думает Матвей Шин, наблюдая за нанайцами. В этих словах отражаются боль, непонимание, отчуждённость, волновавшие душу уже немолодого корейца (Матвей Шин ищет свою сбежавшую жену далеко от дома, пытаясь восстановить прежние отношения). Однако в едином душевном порыве нанайцев угадывается сплочённость, дружелюбие, которые отсутствовали в хрупкой семейной жизни Шина. Но как Матвей Шин, так и нанайская семья, выделявшаяся из общей городской сутолоки, заметная на фоне динамичной городской жизни, являлись неотъемлемой частью этнической картины Дальнего Востока, а в более широком смысле — и всего мира.

Разрешить внутренние противоречия Мансаму — сыну Матвея Шина — помогают цыгане. Вернее, их мировосприятие, свободный, непринуждённый взгляд на вещи. Мансам и его сестра остались без родителей: мать поддалась чувствам к другому мужчине, а отец, отправившийся на её поиски, погиб на чужой земле. Во время поездки к могиле отца на одной из провинциальных станций подросток остро ощутил одиночество, тоску по дому (которого у него никогда не было). И только расположившаяся неподалёку семья цыган, ужинавших под открытым небом у костра (символический образ домашнего очага), и щедро угостивший Мансама мясом цыганёнок успокоили взволнованную душу героя, вселили в него пока ещё неясную надежду. Спустя много лет Мансам нашёл свою мать, но только затем, чтобы избавиться от тяготившего его сердце груза. Цыгане, игравшие рядом

свадьбу с присущим им задорным весельем, вдохнули в героя новую жизнь, ему захотелось «быть свободным и что-то ещё неведомое, удивительное узнавать в людях» [8, с. 196]. Повзрослевшего Мансама привлекла лёгкость, с которой цыгане относились к жизни и которой ему самому долгое время так не хватало.

Примечательно, что и Мансам, и его отец Матвей Шин, и мать мальчика — родные, но не близкие люди: в этой семье каждый по-своему ощущал бесконечное одиночество. Покинувшая семью мать так и не обрела счастья с новым мужем. Матвей Шин погиб. А в сердце Мансама осталась боль, тоска об утраченной семье. Нанайцы, упомянутые Анатолием Кимом, тоже казались одинокими в большом городе, как и весь их народ в современном мире, в динамично развивающейся цивилизации. Однако эти люди держались вместе, и в этом заключалась их сила.

Общение людей разных национальностей способствовало установлению межэтнических связей и подтверждению мысли писателя об условности внешних различий и важности нравственных категорий. «...Национальность у человечества одна, и она называется — человек» [9, с. 104], — так лаконично Анатолий Ким сформулировал собственное видение национального вопроса.

В раннем творчестве Анатолия Кима отчётливо представлены многообразные и неоднозначные отношения между русскими, корейцами и японцами. Литературные сюжеты о дискриминационной политике японцев в отношении корейцев и мирном проживании корейцев с русскими были подсказаны самой жизнью. А.Т. Кузин в монографии «Исторические судьбы сахалинских корейцев» обратил внимание на введение японцами ограничений по отношению к корейцам «...на право заниматься торговлей, какими-либо промыслами и ремёслами, на владение земельными участками, на приобретение и передачу личного имущества» [3, с. 85], а также отметил корейцев как народ, «легко воспринимающий русскую культуру, русские традиции и обычаи» [3, с. 16].

Примечательно, что среди главных персонажей первых книг писателя практически нет японцев. Они лишь эпизодически упоминаются другими героями (рассказ «Бродяги Сахалина») либо иногда обозначаются в авторских отступлениях (полуяпонка Тоня Охара из повести «Собиратели трав»). В произведениях Анатолия Кима отсутствуют описания военных действий, подробных сцен мирной жизни японцев. О тяготах порабощения японцами, о свидетельствах пребывания их на Дальнем Востоке мы узнаём косвенно, из речи его героев. Один из персонажей рассказа «Бродяги Сахалина» в разговоре с приятелем делится воспоминаниями об унижениях корейцев японцами: «Исикава терпеть не мог корейцев. То есть он их настолько презирал, что не мог пройти мимо корейца и не плюнуть ему в лицо или не захватить по уху» [8, с. 64]. В рассказе «Двенадцатый» отмечается, что «японцы в своё время пожгли много леса на южной половине острова» [8, с. 207].

Именно от героев читатели Кима узнают о том, что, подчинив корейцев, японцы навязывали им свой образ жизни, традиции, устои. Так, дети и взрослые должны были носить японские имена (корейские сохранялись лишь в узком кругу). В рассказе «Шиповник Мёко» героиня наряду с корейским именем имела и японское — Мёко; в рассказе «Лесорубы» один из героев-корейцев носит лишь японскую фамилию Ивомото и не знает своего корейско-

го имени; ещё один кореец До Хок-ро из повести «Собиратели трав», приехавший в Японию на заработки, получил от своего господина новую фамилию японского происхождения Мацумото. А у молодой кореянки из «Собирателей трав» было «три имени — русское, японское и корейское» [8, с. 207]: имя Масико ей дали японцы; Марией она называлась, живя среди русских после освобождения Сахалина в 1945 г.; корейское же имя так и не было упомянуто в повести: героиня словно позабыла его вместе со своей прежней жизнью.

Кроме того, в период колонизации Сахалина в обиходе корейцев активизировались такие слова, как «господин», «госпожа», «хозяин», «богач», «бедняк». Это отчётливо прочитывается в рассказах «Мечь», «Бродяги Сахалина». По выражению одного из героев последнего рассказа, корейцы «вынуждены стать японцами по приказу господ» [8, с. 64]. Эти эпизоды прошлого отчасти были стёрты из памяти корейцев в мирное время, но на контраст между поработителями и порабощёнными ещё долго указывали одноэтажные «унылые» [8, с. 82] бараки, построенные для привезённых со своей родины на Сахалин корейцев.

Свержение власти императорской Японии на Южном Сахалине в 1945 г. принесло относительную свободу корейцам: они были освобождены от японской колонизации, но стали заложниками новых обстоятельств и не имели возможности вернуться на историческую родину. Им пришлось приспособиться к другой культуре. Это проявилось в первую очередь в повседневной жизни. Корейцы брали русские имена: Коля («Невеста моря»), Жанна («Высокая трава»), Мария («Собиратели трав»); получали их при крещении: Василиса («Сыновний суд»), Ольга («Соловьиное эхо»); носили русские фамилии (Кузнецов в рассказе «Собиратели трав»). В то же время в среде корейцев сохранялись национальные обычаи, традиционные элементы быта — это детально описано в рассказах и повестях Анатолия Кима. Так, они питались рисом, солёной редькой и морскими водорослями («Невеста моря», «Лесорубы», «Сыновний суд» и др.), в качестве столовых приборов использовали палочки для еды («Сыновний суд»), спали на крашеном полу на набитом опилками валике вместо подушки («Мечь», «Невеста моря» и др.). В сложных житейских ситуациях на помощь героям книг Анатолия Кима приходил корейский фольклор (пословицы, песни, культовые обряды): в повесть «Соловьиное эхо» включена сказка о «чёртике в корейском варианте, маленьком демоне» [10, с. 60] — страхе, который можно победить, взяв себя в руки. Проза Анатолия Кима свидетельствует о том, что элементы корейской культуры постепенно обретали самостоятельность на российском Дальнем Востоке.

Нередко писатель обозначает представителей корейской диаспоры, не давая им имён собственных, но заостряет внимание на национальной принадлежности своих героев: «повариха-кореянка» («Акварель»), «два корейца», «темноликий кореец» («Сезонники»), «девочка-кореянка» («Высокая трава»), «корейцы города» («Двенадцатый»), «пожилой кореец» («Луковое поле»). В произведениях о мирной жизни они показаны полноправными жителями Сахалина и всего Дальнего Востока.

Виталий Камышёв обозначил раннюю прозу Анатолия Кима как открытие для русского читателя «целого этнокосмоса — корейцев, живущих в России» [11, с. 144]. В образах героев корейской диаспоры, а также «людей „странных“, „выпадающих“, „непохожих“, — в их облике и судьбе

пересеклись разные миры, в жилах их течёт кровь разных народов. Всегда это люди, судьба которых „не сложилась“ (но складывается на наших глазах). Всегда это „трудно“ живущие люди» [11, с. 144]. Таковы несостоявшийся поэт Гриневиц, семья Конюховых («Барбарис»), пожилая кореянка Харуё («Невеста моря»), мальчик Илеми («Пчела и цветок») и многие другие. Эти наблюдения за особым этническим компонентом в прозе Анатолия Кима подтверждаются и словами литературного критика Льва Аннинского, который выделял в рассказах писателя «восточные» мотивы [12, с. 223], «корейскую и японскую мелодии» [12, с. 221].

Этническая картина Дальнего Востока в ранней прозе Анатолия Кима представлена достаточно ярко. В схематичных, а иногда и развёрнутых зарисовках характеров Ким тонко подмечал особенности разных национальностей. Своеобразные описания быта, устоев, взаимоотношений в корейской семье позволили сформировать типичный портрет корейцев на территории Дальнего Востока (середина — вторая половина XX в.). Показав в дебютных произведениях «разноплеменное» [8, с. 207] население Сахалина и Курильских островов, Анатолий Ким подчеркнул мирное соседство культур, их положительное влияние друг на друга, этническую уникальность региона. Этнические мотивы с «восточным» звучанием в русской прозе получили развитие в новых книгах Анатолия Кима, в частности романах «Лотос» (1980) и «Белка» (1984), в автобиографической повести «Моё прошлое» (1995), в первых переводах писателя корейской прозы — «Сказание о Чхуньян» (2003) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времён до начала XXI столетия: учеб. пособие / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко; отв. ред. д-р ист. наук М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. 712 с.
2. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1993. 220 с.
3. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: в 4 кн. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2009. Кн. 1. 262 с.
4. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи: (дальневост. период). М., 1993. 261 с.
5. Пак Сын Ы. Корейцы на Сахалине: до и после Чехова // А.П. Чехов в историко-культурном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2006.
6. Пак Сын Ы. Проблема адаптации иммигрантов и её выражение в литературных текстах (на материале произведений сахалинских корейцев) // Филологический журнал: сб. науч. ст. / сост. Г.Д. Ушакова; под ред. Л.И. Рублёвой. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2006. Вып. 14.
7. Пак Сын Ы. Проблемы репатриации сахалинских корейцев на историческую родину // Сахалин и Курилы: история и современность: материалы регион. науч.-практ. конф. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2008.
8. Ким А.А. Голубой остров. М.: Советский писатель, 1976. 336 с.
9. Ким А.А. Моё прошлое // Октябрь. 1998. № 4.
10. Ким А.А. Четыре исповеди. М.: Советский писатель, 1978. 440 с.
11. Камышёв В. Бесконечность судьбы: заметки о прозе Анатолия Кима // Дальний Восток. 1989. № 6. С. 142—148.
12. Аннинский Л.А. Локти и крылья: Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы. М.: Советский писатель, 1989.